

А. Ф. ГРЯЗНОВ

Поиск знания в философии Бертрана Рассела

«Три страсти, хотя и простые, но необычайно сильные, направляли всю мою жизнь: стремление к любви, поиск знания и неослабевающее сочувствие человеческим страданиям. Эти страсти, подобно бурным ветрам, несли меня туда и сюда изменчивым курсом над океаном мучений, достигая самого предела отчаяния», — писал Бертран Рассел в «Автобиографии»^{*}. Подробный рассказ о жизни и творчестве английского философа и общественного деятеля занял бы немало времени и места. В данном случае мы обратим внимание на одну из страстей, которые предопределили его жизненный путь, — на страсть к познанию.

Бытует мнение, что творческая эволюция Рассела представляла собой череду сменяющих друг друга перевоплощений и трансформаций. Одни видели в этом свидетельство недогматического характера его творчества, другие подчеркивали этим непостоянство его философских пристрастий, чрезмерную увлеченность модными философскими идеями и новейшими открытиями в естествознании. Критические исследования и комментарии, вышедшие в свет после смерти философа в 1970 г. и в той или иной степени разделявшие последнюю точку зрения, зачастую создают у читателя его искаженный образ. При таком взгляде Рассел значительно уступает тем ведущим западным философам XX в., учения которых отличались последовательностью. Всестороннее изучение его наследия и главных вех творчества, однако, свидетельствует о другом, а именно, об удивительной настойчивости Рассела в достижении поставленных еще в молодости целей и о последовательном развертывании и реализации изначальных мотивов философской деятельности. На наш взгляд, для его работ в области эпистемологии такая настойчивость особенно характерна. В них обнаруживаются теоретические установки, которые на протяжении десятилетий постоянно направляли его поиски. Ска-

^{*} The Autobiography of Bertrand Russell. London, 1978. P. 9.

занное, естественно, не исключает того, что Расселом «проигрывались» различные варианты решения тех или иных концептуальных вопросов, прежде чем он делал окончательный выбор.

В данной связи важен начальный период становления его взглядов, который отмечен полемикой Рассела с одной влиятельной в Великобритании в конце XIX — начале XX в. доктриной. Речь идет о так называемом абсолютном идеализме, воцарившемся в британской академической среде и противопоставившем себя тому, что считалось отличительной чертой национальной традиции, — философскому эмпиризму. Реакция на долгое доминирование эмпирической традиции и ее слияние в XIX в. с позитивизмом воплотилась в особой разновидности объективно-идеалистической метафизики. Она подчеркивала приоритетную роль диалектико-логических связей и принципов, придающих единство и целостность самопротиворечивому миру человеческого опыта, который считался основополагающим в концепциях эмпириков. Эмпирическая философия при этом оценивалась как достигшая в своем развитии тупиковой стадии, продемонстрировав в лице Д. Юма и его последователей невозможность какого-либо знания вообще.

Онтология абсолютного идеализма была, за редким исключением, *монистической*. При этом, хотя представители данного направления и опирались на некоторые положения немецкого классического идеализма, все же оно оказалось одним из проявлений той традиции рационализма и объективного идеализма, которая всегда существовала на Британских островах, но на протяжении долгого времени была оттеснена на второй план традицией эмпирической. Борьба Рассела с абсолютным идеализмом оказалась очередным этапом в этом противостоянии.

Другой отличительной чертой абсолютного идеализма была *теория внутренних отношений*. Согласно этой теории, любая вещь или явление реальны только в том случае, если они входят в ту или иную систему отношений, причем отношения носят сущностный характер и изменяют соотносящиеся стороны. Также считалось, что сами отношения невозможны вне какой-либо тотальности. В конечном итоге они оказывались подчиненными Абсолюту как верховной реальности, возвышающейся над антиномичной сферой «видимости». В таком контексте истина понималась философами этого направления как идеальное выражение всех связей, их согласованность (когерентность).

В области собственно логики абсолютные идеалисты основное внимание уделяли анализу *суждения* как «тождества-в-различии», якобы всегда указывающего на духовное содержание реальности. Они одни из первых стали отделять логику от психологии мышле-

ния, сближение которых было характерно для раннего позитивизма (в особенности для логического учения Дж. Ст. Милля). И Рассел, надо сказать, в первые годы своей деятельности тоже активно исследовал суждение и стремился создать непсихологистскую логику, но делал он это на другом основании, нежели его оппоненты.

Одним из учителей Рассела в Кембриджском университете был крупный представитель абсолютного идеализма Джон Мак-Таггарт, оказавший на него немалое интеллектуальное влияние. Примечательно, что Мак-Таггарт был единственным из абсолютных идеалистов, кто придерживался *плюралистической* позиции в онтологии. Он полагал, что все существующее дифференцировано, а вселенная охватывает различные субстанции, причем некоторые духовные субстанции — «личности» — более реальны, чем материальные. Отсюда персоналистская окраска его учения. В отличие от других британских идеалистов этого периода Мак-Таггарт был атеистом и придерживался политической доктрины либерализма. В этом плане он явился предшественником Рассела.

Все же влияние абсолютного идеализма на Рассела было непродолжительным. В самом начале XX столетия он и его коллега по Тринити-колледжу Дж. Э. Мур осуществили то, что впоследствии Рассел назвал «бунтом» против абсолютного идеализма. Монизму был противопоставлен плюрализм (в дальнейшем у Рассела он примет форму *логического атомизма*), а теории внутренних отношений — теория внешних отношений, имеющих сугубо функциональный характер. Согласно этой теории, соотноситься без «посредника» (то есть Абсолюта) могут любые сущности и элементы реальности, которые остаются простыми и самостоятельными. В данном контексте существенно то, что в свой ранний период Рассел специально занимался логическими идеями Г. Лейбница, в особенности его теорией отношений. Именно Рассел (а также французский логик Л. Кутюра) впервые показал современное значение этих идей и их роль в становлении новой — математической — логики. Немаловажно и то, что в своей метафизике немецкий философ был сторонником монадического плюрализма.

С другой стороны, перед Расселом стояла задача не только реабилитировать эмпирическую теорию познания, но и усилить ее с учетом тех возражений против эмпиризма, которые высказали абсолютные идеалисты. В этом ему должна была помочь новая логика, одним из выдающихся создателей которой он был.

Вопреки тому, что иногда утверждается, расселовский философский эмпиризм никогда не был односторонним*. Наряду с до-

* В 1936 г. на заседании Аристотелевского общества им была прочитана лекция «Пределы эмпиризма», в которой он сказал: «Многое из того, что мы

скональным анализом чувственного восприятия как главного источника знания и показом той роли, которую играет опыт в *конструировании* нашей картины внешнего мира, Рассел занимался темами, касающимися статуса общих понятий и идеальных объектов. И это вполне понятно, если учесть его особый интерес к математике и математической логике. Вопросы, связанные с обоснованием идеальных объектов, а также с объяснением всеобщего и необходимого характера законов науки, как известно, еще с XVII в. разделяли философов рационалистической и эмпиристской ориентации. Философия трансцендентального идеализма И. Канта была одной из самых серьезных попыток преодоления этого противостояния. Для Рассела, однако, кантовская альтернатива оказалась неприемлемой. Дело в том, что он иначе, нежели немецкий философ, понимал априорный элемент нашего знания* и не допускал возможности априорных синтетических суждений (прежде всего, в математике). Позиция, занятая английским философом, зачастую обозначается как *неореализм*. К ней мы обратимся позднее.

Расселовское понимание предмета философии всегда — от публикаций начала века до книги «Человеческое познание» (1948) — предполагает соотнесение ее с передовой наукой. Это, правда, не означает, что взгляды английского философа имели сугубо сциентистскую направленность. Скорее в этом проявилось глубокое осознание им той роли, которую играет наука в современном ему мире. Немного наберется в XX в. философов, которые бы в такой степени владели научным материалом из разных отраслей знания. И все же Рассел никогда не отождествлял философию с наукой, как это делали его позитивистские предшественники и современники. Хотя философия, по его мнению, и не обладает особым источником знания по сравнению с наукой, именно она осуществляет *критическое* исследование принципов науки и здравого смысла, наших убеждений и верований. Философию следует изучать не только для получения определенных и однозначных ответов, но и для того, чтобы уметь *ставить вопросы*, обогащающие наше интеллектуальное воображение и позволяющие преодолевать догматизм. Философия, как только она получает такие ответы, сразу же передает их науке, оставляя себе все те вопросы, на которые еще не найдены ответы.

предполагаем, не дается в наблюдении или же не выводится из того, что наблюдается, пока мы не признаем те формы вывода, которые отвергаются чистым эмпиризмом».

* В 1912 г. Рассел писал: «Дело в том, что *априорное* познание относится к сущностям, которые, собственно говоря, *не существуют* ни в духовном, ни в физическом мире. Такие сущности могут обозначаться теми частями речи, которые не являются субстантивами; это качества и отношения» (Russell B. The Problems of Philosophy. Oxford, 1978. P. 50).

Рассел был также против того, чтобы философия пыталась доказывать те или иные догматы теологии. Положение философии скорее промежуточное — между наукой и теологией*.

Конечно, тем, кто привык подчеркивать верховную роль философии по отношению ко всем другим областям человеческого знания, ее превосходство над ними, рассмотренное понимание предмета философии вряд ли покажется привлекательным. Сам же Рассел — не без основания — видел в подобном промежуточном положении философии ее преимущество, позволяющее ей поднимать вопросы, на которые наука еще не имеет ответов, а ответы теологов своей догматичностью уже не удовлетворяют духовные потребности современного человека.

Сказанное, однако, не должно создавать впечатления, будто философия для Рассела — нечто неопределенное и она не может пользоваться точными методами, приводящими к конкретным результатам. Как раз наоборот, всю свою жизнь английский философ разрабатывал такие методы и подходы. Его общеполитическое развитие происходило одновременно с развитием исследований в области логики, которая, как он считал в ранний период, является «сущностью» философии**. Это было связано с пониманием им того обстоятельства, что новая логика позволяла осуществлять глубокий *логический* (в отличие от поверхностного *грамматического*) анализ языка науки и утверждений здравого смысла. В согласии с национальной философской традицией, берущей начало в философии Дж. Локка, он считал *анализ* главной функцией философии. Основываясь на своих логико-математических изысканиях, Рассел указывал на наличие всевозможных антиномий (парадоксов) в естественнонаучном и философском знании. Способность эксплицировать и устранять парадоксы он считал важнейшим качеством философского учения, опирающегося на логику.

Для Рассела было характерно серьезное отношение не только к тому, что говорила передовая наука, но и к своим и чужим убеждениям здравого смысла, инстинктивным верованиям, установкам обыденного сознания. Как философ, интересовавшийся фундаментальными вопросами онтологии, он не мог принять разделение всего на сферу «видимости» (противоречивый мир чувственного опыта) и подлинной «реальности» (Абсолют), осуществленное в рамках иде-

* Философия — это «ничья земля», как он назвал ее во введении к своей «Истории западной философии» (1945).

** В предисловии к «Человеческому познанию» Рассел уже не разделяет мнение о тождестве логики и философии, подчеркивая при этом, что дедуктивная логика по мере ее развития становится все более специальной дисциплиной.

ализма Ф. Брэдли. Рассел постоянно ссылаясь на свой «инстинкт реальности», который подсказывал ему, что действительно существует в реальности, а что — нет. Для него было несомненным наличие так называемого «чувственно данного» (sense-datum), объектов здравого смысла (то есть макрообъектов типа столов и стульев), а также универсалий (то есть объектов типа «равенства», «белизны» и «братства»), без которых невозможно представить содержание реальности. Существование* универсалий делает расселовский «мир» неизмеримо богаче и разнообразнее того, что предполагалось в онтологических концепциях предыдущего поколения британских эмпиристов.

Однако — и в этом английский философ опирался на свой «инстинкт реальности» — в мире нет таких объектов, как единороги, русалки, кентавры, грифоны, крылатые кони, золотые горы и круглые квадраты. Дело, разумеется, не столько в самих этих забавных существах и странных предметах, сколько в произвольно принимаемых спекулятивными философами абстракциях, которые населяют мир всевозможными философскими кентаврами. К числу подобных существостей относился и «Абсолют» британских идеалистов. Как философ логического склада, Рассел ставил себе цель разработать эффективные способы элиминации таких существостей, но при этом осознавал, что сделать это будет непросто.

Принципиально важным для его теории познания, а также для онтологических построений было различение двух видов знания: «знания-знакомства» (knowledge by acquaintance) и «знания по описанию» (knowledge by description). Базисным является первый вид знания, представляющий собой *непосредственное* знание о двух типах объектов: «чувственно данных» и универсалиях, которые обладают идеальным существованием вне пространства и времени. Оно осуществляется с помощью так называемых обозначающих фраз, неограниченное применение которых может приводить к серьезным заблуждениям философского характера. И поэтому Рассел в свой ранний период уделил таким фразам особое внимание.

Благодаря «знанию по описанию» мы, во-первых, узнаем о «физических (то есть материальных) объектах». Это знание *выводится* из нашего знания «чувственно данных». Во-вторых, с помощью аналогии мы получаем знание о ментальных состояниях других людей. В-третьих, к «знанию по описанию» относится знание о прошлых событиях.

Вышеприведенная концепция «знания-знакомства», с одной стороны, свидетельствует о принадлежности Рассела к эмпирико-сенсуалистской традиции (подчеркивание изначальной роли «чув-

* Рассуждая о существовании универсалий, ранний Рассел использовал термин «subsistence», а не более привычный термин «existence».

ственно данного» в познании). С другой стороны, положение о непосредственном знании объективно существующих универсалий свидетельствует о своеобразном платонизме его учения. Последнее вполне объяснимо, если принять во внимание раннюю позицию английского философа в вопросе о статусе математических объектов. Такое достаточно необычное сочетание эмпирической и платонистской тенденций является одной из отличительных черт расселовского неореализма.

Концепция двух видов знания получила отражение и в расселовской философии языка, одна из главных тем которой — соотношение (и связь) языка и мира. Английский философ был убежден, что те элементы языка, которые связывают язык с миром, обязательно должны подтверждаться соответствующим «знанием-знакомством». В этом вопросе он следовал главному принципу теории познания Д. Юма*.

Хотя допущение непосредственного знания «чувственно данного» и универсалий в эпистемологию и связано с целым рядом проблем, все же главную трудность для английского философа, по его словам, представляло «знание по описанию», основывающееся на «обозначающих фразах». Впервые вопрос об обозначающих фразах был подробно рассмотрен Расселом в статье 1905 г. «Об обозначении»; эта тема присутствует и во многих его последующих работах. Среди главных видов обозначающих фраз он называл следующие.

1. Фраза обозначает, не обозначая ничего реального («нынешний король Франции»).

2. Фраза обозначает один определенный объект («нынешний король Англии»). В английском языке такие фразы употребляются с определенным артиклем. Они позволяют выбрать уникальный (единственный) объект из некоторой совокупности объектов. Подобные фразы Рассел назовет «определенными дескрипциями». С ними, на его взгляд, связаны самые трудные и интересные логико-философские проблемы.

3. Фраза обозначает неопределенно («человек»). В английском языке подобные фразы употребляются с неопределенным артиклем. Они позволяют выбрать один (но не уникальный) объект из некоторой совокупности объектов.

* Как известно, Юм разделил сферу перцептуального опыта на «впечатления» (impressions) и «идеи». Последние, будучи, по существу, понятиями, должны были быть скопированы с более сильных и ярких «впечатлений». От «идей», за которыми не стояли «впечатления», приходилось отказываться (например, от «идей» субстанции). Иногда Рассел включал в число объектов «знания-знакомства» воспоминания и знание человека о своих внутренних ментальных состояниях.

Одна из проблем, связанных с определенными дескрипциями, была представлена Расселом, например, в такой форме: он предлагал вообразить ситуацию, когда кто-то хочет узнать, был ли шотландский писатель Вальтер Скотт автором романа «Уэверли», опубликованного в 1814 г. Этим мог, в частности, интересоваться современник писателя английский король Георг IV. Тогда окажется, что фраза (1) «Скотт есть автор “Уэверли”» и фраза (2) «Скотт есть Скотт» не тождественны, хотя и обозначают один и тот же объект, ибо (1) обладает дополнительным свойством, а именно, говорит о том, что относительно авторства романа хотел узнать Георг IV. В то же время, с юмором заметил Рассел, вряд ли можно заподозрить первого джентльмена Европы (кстати, слабоумного) в интересе к формально-логическому закону тождества ($A = A$), выраженному во второй фразе.

Немецкий логик и математик Г. Фреге еще в статье 1892 г., рассматривая семантические аспекты проблемы тождества, ввел понятия «значения» (*Bedeutung*) и «смысла» (*Sinn*) имен (то есть знаков). Скажем, фразы (1) «утренняя звезда» и (2) «вечерняя звезда» имеют одно и то же значение, то есть обозначают один и тот же объект — планету Венера. Однако эти фразы по-разному указывают на данный объект, связывают с ним разное мыслительное содержание. Для астронома фраза «Утренняя звезда есть вечерняя звезда» интереснее фразы «Утренняя звезда есть утренняя звезда». Одним словом, у фраз (1) и (2) различный смысл. Причем Фреге в соответствии со своей философской установкой говорил об объективности смысла имен, не зависящем от психологических особенностей мышления.

Рассел был хорошо знаком с фрегевским подходом к проблеме, однако не принял его, отмечая возможные негативные последствия объективации смысла. Он, в свою очередь, предложил различать собственные имена и обозначающие фразы. Так, «Скотт» оказывается собственным именем, то есть символом, объект которого может быть дан в «знании-знакомстве». Это *простой* символ, то есть символ, не делимый на части, которые сами были бы символами. Путем наглядных (остенсивных) определений имена связываются с чувственно-воспринимаемым миром. «Автор “Уэверли”» же — обозначающая фраза, не являющаяся простым символом. Она неясна, ибо неизвестно, единственный ли это автор. Сама по себе данная фраза не имеет значения (*meaning*), а просто оказывается составной частью предложения, в которое она может входить. Рассел предлагал так анализировать (то есть эксплицировать логическую структуру и переводить в более ясную и точную форму) предложения типа «Скотт есть автор “Уэверли”», чтобы можно было устранять из них обозначающие фразы.

Если собственные имена типа «Скотт» Рассел до поры до времени считал не вызывающими подозрений, поскольку они в принципе подтверждаются «знанием-знакомством», то некоторые другие имена, как он подметил, способны приводить к нежелательным парадоксам. Такими, к примеру, являются мифологические имена, не обозначающие реальных объектов. И если во фразе «*X* есть несуществующий объект» слово «существование» используется как предикат, то как бы возникает парадокс: существует несуществующий объект.

Расселовское решение проблемы заключалось, во-первых, в требовании исключения путем логического анализа «подозрительного» понятия «существование»^{*} и, во-вторых, в требовании видеть в некоторых грамматических именах собственных (типа «Пегас») скрытые дескрипции. Тогда в результате осуществления процедуры переформулировки получаем новые фразы, исключаящие возникновение «парадокса существования». Позднее Рассел занял еще более радикальную позицию и признал *все* грамматические имена собственные двусмысленными с точки зрения логики, так как они суть скрытые дескрипции. В конце концов он пришел к выводу, что язык «соединяется» с миром с помощью указательных местоимений («демонстративов») «это» и «то», которые он назвал «логически собственными именами». Такие имена прямо указывают на «чувственно данное» нашего опыта. Английский философ при этом не учитывал, что значение этих «надежных» слов во многом зависит от контекста их употребления. На данный недостаток ему впоследствии указал Л. Витгенштейн.

Итак, Расселу было принципиально важно различать имена и дескрипции. В этой связи он на протяжении нескольких лет настойчиво критиковал позицию австрийского философа А. Мейнонга, который, по его мнению, в своей «теории предметов» (*Gegenstandstheorie*) приписывал любой грамматически правильной обозначающей фразе свой объект. Так, если использовать вышеприведенный расселовский пример, фраза «нынешний король Франции», по Мейнонгу, обозначала бы «возможный несуществующий объект», а, скажем, самопротиворечивая фраза «круглый квадрат» — «невозможный несуществующий объект». Подобные специфические объекты заняли бы свое место в онтологии наряду со всеми другими объектами. Расселу же «инстинкт реальности» и логическая установка не позволяли допустить в свой мир такие сомнительные сущности. Это оз-

^{*} Своей критикой понятия «существование» он продолжил традицию Юма и Канта, выступавших против предсципируемости существования. Для Рассела существование не является свойством объектов; это «неполный символ», который должен быть элиминирован путем логического анализа.

начало бы отказ от требований логической строгости и соответствия принципам эмпиристской эпистемологии.

Надо сказать, что спор Рассела и Мейнонга получил продолжение в ходе дальнейших логических исследований онтологической проблематики. Одни исследователи углубились в «джунгли Мейнонга» (это выражение австралийского логика Р. Раутли), подчеркивая преимущества более богатой онтологии и занимаясь проблематикой несуществующих объектов. При этом, помимо чисто логической стороны вопроса, отмечалось, что подобные объекты обладают важной для людей психологической реальностью (например, в случае страха человека перед наступлением какого-либо невероятного события). Другие, вроде У. Куайна, стали разрабатывать более «скупую», нежели расселовская, онтологию на основе экстенциональной логики, в основном игнорируя модальный аспект. Спор двух линий продолжается.

Когда Рассел рассуждал о парадоксах обозначающих фраз, он имел в виду случаи, могущие иметь негативные последствия при формулировании философских и научных положений. Рассмотрим два предложения, в которых несуществующему объекту — в 1905 г. во Франции уже не было короля — приписывается определенный предикат.

(1) «Нынешний король Франции лыс».

(2) «Нынешний король Франции не лыс».

Оба приведенные предложения выглядят как грамматически правильные предложения с денотатом (то есть обозначаемым объектом), и одно из них в соответствии с законом исключенного третьего должно быть истинным. Но как среди лысых, так и среди не лысых людей мы не находим «нынешнего короля Франции». Гегельянцы, шутливо заметил Рассел, с их склонностью к синтезу противоположностей, вероятно, сказали бы, что «нынешний король Франции» носит парик.

Английский философ показал, что оба предложения могут быть ложными, если дескриптивная фраза «нынешний король Франции» имеет «первичное вхождение» в предложение. Так, предложение «Нынешний король Франции не лыс» ложно, если оно означает: «Имеется такая сущность, которая в настоящее время является королем Франции и которая не лысая». Но оно может быть истинным, если подразумевается: «Ложно, что имеется сущность, которая является в настоящее время королем Франции и которая лысая». В последнем случае вхождение фразы в предложение оказывается «вторичным»*.

* Различение первичного и вторичного «вхождения» (occurrence) обозначающей фразы является интересным (и спорным) с чисто логической точки

Рассела интересовали и более серьезные парадоксы (антиномии). Одни из них относились к сфере логико-математического знания, другие — к семантическим свойствам языка. В число первых входит и парадокс, получивший название «парадокса Рассела». Он возникает при рассмотрении классов как самостоятельных объектов. В таком случае можно различать собственные и несобственные классы. Первые суть те, что не являются членами самих себя (например, класс таких объектов, как авторучки, сам не является авторучкой). Вторые суть те, что являются членами самих себя (например, класс всех классов). Рассел в этой связи рассматривает «класс всех классов, не являющихся членами самих себя» и задается вопросом: является ли такой класс членом самого себя или нет? При ответе на поставленный вопрос, как нетрудно убедиться, возникает противоречие.

Имеется несколько популярных и даже шуточных формулировок указанного парадокса, но они в известной мере затемняют суть проблемы, ибо предполагают решение на уровне здравого смысла*. Разумеется, парадокс заинтересовал английского философа не в связи с теми или иными тупиковыми жизненными ситуациями. Дело все в том, что «парадокс Рассела» был обнаружен в той области математического знания, которая бурно развивалась с конца XIX в. и считалась образцом логической правильности для других областей математики — в теории множеств (классов). Фреге и некоторые другие ведущие математики (включая Рассела) стремились придать математике максимально строгий, аналитический характер, избавиться ее от интуитивных допущений, выводить все основные положения математики из небольшого набора логических принципов (аксиом), давать точное логическое определение математическим понятиям. Грандиозная программа Фреге по логической формализации математики была в значительной мере подорвана в результате обнаружения указанного парадокса**.

Рассел, который сам стремился осуществить проект полной формализации математики, попытался не просто заблокировать проти-

зрения, и поэтому мы не будем углубляться в его рассмотрение. Подробнее см. в: *Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. М., 1982.*

* Так, например, можно посчитать нелепым указ по деревне: единственный брадобрей деревни должен брить только тех мужчин деревни, которые не бреются сами. Тогда просто не будет необходимости отвечать на приводящий к антиномии вопрос: бреет ли он самого себя?

** В 1902 г. Рассел в письме сообщил Фреге об открытом парадоксе. В творческом отношении это явилось для Фреге тяжелейшим ударом, от которого он так и не оправился. Кстати, отношение к парадоксам современных математиков, которые не ставят себе столь грандиозные цели, как их коллеги начала века, достаточно спокойное.

воречие, но и дать радикальное — в некотором роде парадигматическое — решение проблемы. С этой целью он разработал *теорию типов*, которая, по его убеждению, позволяла избегать парадоксов. Так, в частности, обнаруженный им парадокс не возникает, если учитывается, что множество (класс) и его элементы относятся к различным логическим типам, причем тип множества выше типа его элементов. В трехтомной работе «Principia Mathematica», написанной совместно с кембриджским математиком А. Н. Уайтхедом, и в других более поздних работах по философии математики Рассел отказался от своей ранней платонистской трактовки классов. «Класс, — писал он, — есть всего лишь выражение. Это удобный способ говорить о значениях переменной, для которой истинна определенная функция»^{*2}.

Утверждения о классах Рассел представил как утверждения о пропозициональных функциях, то есть функциях типа $F(x)$, которые становятся истинными или ложными предложениями в зависимости от того, какие значения подставляются на место переменных. В «Principia Mathematica» представлена иерархия пропозициональных функций, которым удовлетворяют в качестве значений объекты разных логических типов: индивиды, их свойства, свойства свойств и так далее. В противном случае мы получаем бессмысленные утверждения относительно таких объектов, как «класс всех классов, не являющихся членами самих себя».

Далеко не все математики и логики поддержали расселовский подход к разрешению математических парадоксов. Одни сочли теорию типов чересчур искусственной, другие (ранний Витгенштейн) — просто излишней^{**}. Предлагалось также в качестве решения полностью отказаться от таких широких по объему понятий, как «класс всех классов». Справедливо отмечалось, что теория налагает слишком сильные ограничения, не позволяя, например, высказывать одно осмысленное утверждение об объектах разных уровней. А математики-интуиционисты вообще не видели в парадоксах какой-либо опасности для математического творчества. Кроме того, сильный удар по планам Рассела и других математиков-логицистов нанесло доказательство в 1931 г. К. Гёделем теоремы о принципиальной *неполноте*^{***} формализованных систем типа «Principia Mathematica».

Помимо математических Рассела интересовали и семантические (лингвистические) парадоксы, в частности известный еще с древно-

* Russell B. My Philosophical Development. London, 1975. P. 62.

** Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. London, 1922. § 3.331–3.333.

*** Это означает, что в системе есть предложения, которые в ней недоказуемы.

сти парадокс «Лжец». В одной из своих формулировок он гласит: «Все, что я утверждаю, ложно». Понятно, что если само это утверждение истинно, то оно ложно; если же оно ложно, то оно истинно. Как правило, семантические парадоксы разрешаются путем уточнения значения слов и выражений естественного языка. Рассел же при разрешении указанного парадокса использовал свою идею иерархии типов лингвистических и логико-математических сущностей. Он полагал, что утверждение лица, вводящее в заблуждение, является самоуказывающим (self-referring) и потому логически бессмысленным. Его следует переформулировать с учетом того, что утверждение, обозначающее другие утверждения, должно быть более высокого типа, чем обозначаемые им утверждения. В результате переформулировки, например, получаем: «Я утверждаю ложное предложение (Я лгу) первого типа». Но само это утверждение, содержащее высказывание о другом, относится ко второму типу.

Логической иерархии различных сущностей в концепции Рассела соответствует определенная иерархия элементов реальности. Теория типов и некоторые другие логические построения Рассела лежат в основе его метафизики, которую он впервые в 1911 г. назвал «логическим атомизмом». Элементом реальности соответствуют имена, подтверждаемые «знанием-знакомством», а также состоящие из имен предложения, которые он делит на атомарные и молекулярные. В качестве примеров атомарных предложений Рассел приводил: «Это белое» и «Это слева от того» и другие предложения подобного рода*. В них фиксируется обладание некоторым свойством или же наличие некоторого отношения. Атомарным предложениям в мире соответствуют атомарные факты.

Один из примеров молекулярного предложения: «Если идет дождь, то я захвачу зонтик»**. В таких предложениях входящие в них атомарные предложения соединяются с помощью слов-связок «и», «или», «если». Молекулярные предложения суть функции истинности составляющих их атомарных предложений. Хотя и есть атомарные факты, но молекулярных фактов быть не может, ибо ничто в мире не соответствует связкам (в том числе никакие психические состояния субъекта).

В этом контексте Рассел связывал проблему истины с вопросом о соответствии наших предложений фактам. Он вначале создает довольно сложную концепцию, согласно которой суждение или верование трактуются как отношения, связывающие воедино все термины, входящие в предложение. Например, отношение, обозначаемое словом «believing», связывает в единый комплекс все составляющие

* *Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. La Salle, 1993. P. 60.*

** *Ibid. P. 70.*

предложения «Отелло верит, что Дездемона любит Кассио». Субъект (Отелло) и «объекты» (Дездемона, любит, Кассио) в определенном порядке «стягиваются» верованием. Если верование Отелло истинно, то имеется комплексное единство «Дездемона любит Кассио». Если же верование Отелло ложно, то такого комплекса в действительности нет. В целом некоторое верование истинно, если имеется соответствующий ему факт, и ложно в противном случае. Рассел также подчеркивал, что Отелло не мог иметь в виду такой сложный объект, как «любовь Дездемоны к Кассио», поскольку это означало бы объектацию лжи, допущение негативных фактов и тем самым вызов «инстинкту реальности».

Впоследствии, однако, Рассел отказался от этой теории суждения-верования. Решающую роль в этом сыграл его ученик, коллега и друг (до определенного времени) Людвиг Витгенштейн. Последний подверг уничтожающей критике взгляд Рассела и противопоставил ему свою — значительно более простую — теорию предложения как образа (модели) факта. Рассел был вынужден признать правоту своего молодого оппонента и отказаться от некоторых проектов.

Теория логического атомизма представляет собой одно из решений центральной задачи, поставленной английским философом: дать максимально полное и экономное (только «факты») описание «того, что есть», установить структурное единство языка и мира. С этим же связаны попытки Рассела создать совершенный логический язык, в котором каждому слову (знаку) будет соответствовать компонент определенного факта (за исключением, разумеется, слов, обозначающих связки). Рассел с оптимизмом верил в возможность создания идеального языка. Правда, в завершающий период творчества этот оптимизм несколько поостыл. Надо учитывать, что идеальный язык рассматривался Расселом, прежде всего, как *язык науки*. Он прекрасно понимал, что в естественном языке однозначное соответствие элементов языка и фактов невозможно. Если бы у всех людей за конкретными словами стояло одно и то же «знание-знакомство», то они просто не смогли бы общаться.

Как философ и логик, Рассел недооценивал возможности естественного языка. Его отношение к естественному языку и к философии, описывающей различные аспекты употребления языка, явилось причиной идейного расхождения в 1930-е гг. с «поздним» Витгенштейном и лингвистическими аналитиками Оксфордской школы обыденного языка. Последние, в свою очередь, критиковали расселовскую теорию обозначающих фраз за игнорирование коммуникативной функции языка и многообразия способов его употребления. Они также не разделяли его стремления к созданию логически совершенного языка. Появление лингвистической философии зна-

меновало собой новый этап в развитии аналитического направления. Однако если говорить о состоянии аналитической философии за последние 15–20 лет, то для нее нехарактерно преобладание той или иной школы со своей четкой программой. В этой связи расселовская теория обозначающих фраз уже не считается устаревшей и снова оказывается в центре внимания теоретиков проблемы языковой референции.

От расселовской философии языка перейдем к другой стороне его творчества. В 1921 г. Рассел публикует книгу «Анализ сознания». Он начал работу над ней в 1918 г., находясь в заключении за свою пацифистскую деятельность. В основе книги — прочитанный ранее лекционный курс. В ней он обращается к проблеме психического, стараясь и в этой области создать максимально экономную и строгую концепцию. Сам автор охарактеризовал свое исследование как попытку совмещения определенной тенденции в психологии с определенной тенденцией в физике. В этот период под влиянием американских психологов Рассел становится горячим сторонником бихевиористской школы. Он полагал, что позиция данной школы ведет в материалистическом направлении: психология оказывается зависимой от физиологии и метода внешнего наблюдения за поведением. Современная же физика, по мнению Рассела, дематериализует материю, рассматривает ее как логическую конструкцию из пространственно-временных событий. Более того, материя — это логическая фикция, представляющая собой удобное обозначение для сферы действия каузальных законов*. Налицо, как считал Рассел, сближение психологии и физики.

Английский философ стремился опровергнуть точку зрения, согласно которой сущностью ментальных (психических) процессов является нечто, называемое «сознанием» (*consciousness*). В соответствии с ней различные психические функции и операции (ощущение, восприятие, память, мышление, верование, желание, удовольствие и другие) рассматриваются как состояния (или акты) сознания. В противовес этому Рассел подчеркивал невозможность эмпирическим путем обнаружить какие-либо особые «состояния сознания», считая мнение о существовании последних лишь трансформацией устаревших представлений о «душе».

Рассел полагал, что общеупотребимые выражения типа «я думаю», «вы думаете», «он думает» в сфере психологического знания являются вводными в заблуждение, ибо навевают ложное представление о *субъекте* как носителе мыслей (и сознания в целом). Психологу следует переформулировать их в десубстанциализиро-

* В 1927 г. Рассел посвятил этому вопросу специальную книгу «Анализ материи».

ванные выражения типа «во мне имеется мысль» и тому подобное, даже несмотря на необычность этих выражений. Отказ от понятия субъекта как носителя психических процессов, по Расселу, позволит сблизить *описание* закономерностей ментальных и физических событий.

В период интенсивного занятия вопросами философии психологии Рассел находился под влиянием некоторых идей прагматиста У. Джеймса, в частности его статьи «Существует ли сознание?»*. В ней американский философ и психолог отстаивал радикальное мнение, что «сознанию» как особой субстанции не место в науке. Это понятие имеет лишь функциональное значение, указывая на *познавательную* функцию мышления. По Джеймсу, мир состоит из единого «вещества», а не из материи и духа. Одни сочетания элементов опыта составляют ментальную сферу, другие — физическую. С Джеймсом солидаризировалась группа американских неореалистов, которые в своем манифесте «Программа и первая платформа шести реалистов» (1910) использовали понятие «нейтральных существностей», из которых конструируется все остальное.

Рассел также считал, что «вещество» мира нейтрально, но при этом указывал, что в физике и психологии действуют разные *каузальные* закономерности. Однако констатация данного различия не должна, по его мнению, приводить к теории психофизического параллелизма. Материя влияет на дух, а дух — на материю, поскольку в их основе одни и те же элементы, отношения между которыми носят внешний характер. «В ходе этих лекций, — отмечал Рассел, — я попытаюсь убедить вас, что материя не столь материальна, как считают, а дух не столь духовен»**. Так что, говоря о материи, следует склоняться к идеализму, а говоря о духе — к материализму. Но в целом, по Расселу, правильнее говорить о нейтральных существностях, из которых конструируется мир. Им не присуща ни твердость материи, ни ментальная способность указывать на объекты (интенциональность). Такой подход представлялся английскому философу самым экономным и научно обоснованным.

Вышеизложенная теория, получившая название теории «нейтрального монизма», все же предполагает, что научное объяснение мира более адекватно, если оно изначально осуществляется с психологической, а не с физической точки зрения. Дело в том, что исходными данными психологии являются ощущения; они же, согласно Расселу, являются и основными данными физических наук. В этом смысле психология ближе к тому, что непосредственно познается.

* См. русский перевод в: Новые идеи в философии. Сборник 4. СПб., 1913. С. 102–127.

** *Russell B. The Analysis of Mind. London, New York, 1924. P. 36.*

Если Рассел в 1920-е гг. предполагал возможность создания унифицированной науки на основе психологии, то последующие поколения англо-американских философов аналитического направления в 1940–1950-е гг. стали склоняться к позиции *физикализма*, предполагающей перевод терминов и содержания всех наук на интересубъективный язык физики. Свою позицию они противопоставляли феноменализму. Некоторое влияние это изменение позиции оказало и на Рассела.

Опубликованная в 1948 г. книга «Человеческое познание. Его сфера и границы» является итоговой работой английского философа, посвященной собственно эпистемологическим вопросам^{*}. В ней он изложил свои взгляды на принципиальную для него тему: соотношение обыденного и научного знания, мира здравого смысла и мира физики. В этом контексте здесь всесторонне проанализировано понятие причинности, отношение к которому позднего Рассела более конструктивное, чем в ранний период. В книге содержится большой фактический материал из многих отраслей науки. Некоторые факты и интерпретации, приводимые Расселом, к настоящему времени устарели, что вполне понятно. Но несомненно, что фактический материал в книге не является чужеродным элементом. Он закономерно подводит английского философа к его взгляду на мир как сферу действия вероятностных закономерностей и сложных каузальных связей. Кстати, расселовское философское рассмотрение основных концепций вероятности до сих пор считается одним из лучших в подобной литературе. Он прекрасно понял, что в вероятностном мире эпистемолог уже не может уповать ни на спекулятивные построения, ни на описание «чистого опыта».

Поздний Рассел возвращается к вопросу о роли верований в познании, который трансформируется в вопрос о *внелогических* принципах — и в конечном итоге в концепцию пяти постулатов научного вывода, венчающую книгу. Именно в них Расселу удается осуществить синтез эмпирической и рационалистической тенденций своего учения, о которых говорилось в связи со становлением его взглядов. В стремлении к такому синтезу английский философ продемонстрировал последовательность и настойчивость, способствовавшие его страстному «поиску знания». Постулаты практического вывода — естественный результат полувековых логико-эпистемологических исследований Рассела.

* В середине 1910-х гг. на основе своих гарвардских лекций Рассел подготовил обобщающую работу «Теория познания». В силу ряда причин эта рукопись так и не была опубликована им. О ее существовании стало известно лишь в 1967 г. В настоящее время она опубликована в 7-м томе собрания сочинений Рассела.

В истории философии XX в. взгляды Бертрانا Рассела занимают видное место. Так, хотя он и не создал особой философской школы, он справедливо признается одним из зачинателей аналитического движения в западной философии. Однако представляется, что его вклад не ограничивается только этим обстоятельством. Вне зависимости от тех или иных пристрастий Рассела в разные периоды творчества очевидно, что он был оригинальной и самостоятельной фигурой, идеи которой однозначно не вписываются ни в одно из главных направлений философской мысли современности <...>

Витгенштейн впервые посетил Англию еще в 1908 г. Тогда в Манчестере он изучал авиационное дело и занимался конструкцией пропеллера. Постоянно усиливавшийся у него интерес к проблемам обоснования математического знания привел его в 1912 г. в знаменитый Тринити-колледж Кембриджского университета, к Расселу. Английский философ и ученый быстро и по достоинству оценил возможности своего ученика и посоветовал ему сконцентрировать внимание исключительно на математической логике и философии.

Витгенштейн застал Рассела в один из самых активных и плодотворных периодов его творческой биографии. Формирование философской позиции Рассела, начавшееся еще в конце XIX в. «бунтом» против английского неогегельянства (так называемый абсолютный идеализм) с позиции национальной философской традиции эмпиризма, продолжалось, как известно, всю его долгую жизнь. Главным союзником и вдохновителем Рассела в полемике с абсолютным идеализмом был его коллега по Тринити-колледжу Дж. Э. Мур. С Муром, а также с известным экономистом Дж. М. Кейнсом Витгенштейн сближается во время своего пребывания в Кембридже. Все же в этот период и вплоть до начала 1930-х гг. муровская философия не оказывала влияния на формирование позиции Витгенштейна. Подход Мура начинает интересовать его в последние годы жизни.

Приверженность Рассела британской эмпирической традиции проявлялась и в дальнейшей разработке им проблем логической семантики, и в этом плане особую роль сыграла статья Рассела «Об обозначении» (1905). В ней были поставлены вопросы, на многие годы определившие характер его деятельности. Содержание данной статьи многим его соотечественникам показалось столь необычным, что даже редактор философского журнала «Майнд», где она впоследствии все же была напечатана, вначале рекомендовал автору отказаться от публикации. В то время на страницах английских философских журналов печатались статьи по логике, написанные, как правило, лишь неогегельянами (среди авторов по логике были: Ф. Брэдли, Б. Бозанкет, Дж. Мак-Таггарт, Г. Иоахим и др.).

Гносеологические идеи в этой статье были тесно увязаны с собственно логическими идеями. Рассел проводит принципиальное для него различие двух типов познания: «знания-знакомства» и «знания по описанию». Первое возникает в результате непосредственного чувственного восприятия, второе — с помощью обозначающих (денотирующих) фраз. Рассел перечисляет примеры различных обозначающих фраз. При этом возможны следующие виды денотации: 1) фраза может обозначать, не обозначая ничего реального («нынешний король Франции»); 2) фраза может обозначать один определенный предмет («нынешний король Англии»); 3) фраза может обозначать неопределенно (например, «человек» обозначает неопределенного человека).

В силу многообразия типов денотации обозначающие фразы способны вызывать путаницу, приводить к нежелательным парадоксальным ситуациям. Задача философа, считал Рассел, и заключается в правильном логическом анализе выражений, включающих подобные фразы. Этот анализ, по его мнению, отличается от поверхностного грамматического анализа языковых выражений. Правильность логической теории проверяется ее способностью разрешать те или иные парадоксы, которые для логики играют ту же роль, что и «решающие эксперименты» для физики. Отметим характерную особенность: Рассел фактически не различает свою логику и философию. В дальнейшем эта позиция будет выражена им в явной форме.

Как и Фреге, Рассел затрагивает проблему тождества. Он указывает, что если a тождественно b , тогда то, что истинно в отношении одного, истинно и в отношении другого и они взаимозаменяемы. Но это известное правило не выполняется для таких фраз, как «автор “Уэверли”» и «Скотт», в ситуации, когда, скажем, хотят узнать, был ли В. Скотт автором романа «Уэверли». В соответствии с точкой зрения Фреге, этим фразам присущ разный смысл, но одно значение — писатель Вальтер Скотт. По этому пути Рассел, однако, не идет. Он предлагает различать имена («Скотт») и обозначающие фразы («автор “Уэверли”»). Ранняя теория Рассела допускает только такое понимание имен, когда они прямо указывают на предметы, данные «знанием-знакомством». Здесь хорошо видна зависимость его логической концепции референции от односторонней эмпиристской гносеологии, в основе которой лежит процесс непосредственного указания на предмет и его свойства. Обозначающие фразы для Рассела выступают лишь как части предложений и потому не имеют сами по себе ни смысла, ни значения. «Автора “Уэверли”» нельзя обнаружить в чувственном опыте. «Есть автор» — тоже неясная фраза: единственный ли он автор или один из нескольких? Для устранения всех этих недостатков следует так проанализировать

предложение «Скотт есть автор “Уэверли”», чтобы совсем устранить из него обозначающую фразу. И Рассел в своей статье подробно демонстрирует механизм такого анализа, получая в результате: «Скотт написал “Уэверли”, и в отношении *y* всегда истинно, что если *y* написал “Уэверли”, то *y* тождествен со Скоттом».

В других работах Рассел подчеркивал, что в отличие от таких имен, как «Скотт», есть имена, способные в определенных ситуациях приводить к серьезным парадоксам. Например, можно рассмотреть имя «Пегас» в предложении «Пегас не существует». В случае, если слово «существует» используется в нем как предикат, то тогда мы приходим к парадоксальному заключению о существовании несуществующего предмета. Чтобы разрешить парадокс, нужно уточнить само слово «существование». В то же время объект данного предложения Рассел начинает рассматривать как скрытую дескрипцию (описание). Под дескрипциями он понимал фразы типа «то-то и то-то», причем различал «двусмысленные дескрипции» (фразы с неопределенным артиклем) и «определенные дескрипции» (фразы с определенным артиклем). Рассел интересовал лишь последний вид дескрипций.

Вообще, грамматические собственные имена, на его взгляд, допускают самые различные описания и потому двусмысленны, в отличие от имен типа «это» и «то», которые прямо указывают на то, что они обозначают. Обозначив предмет («Пегас») через описание, то есть с помощью приписываемых ему мифологией свойств «крылатости» и «лошадности», можно получить новое предложение, где существование уже не является предикатом. «Существование» для Рассела — «неполный символ», исчезающий в результате логического анализа*. Анализ отрицательных предложений о «существовании» объектов типа «Пегас» показывает, что они не бессмысленные, а ложные. В философском же плане Рассел продолжал линию Юма, а также Канта, отрицавшего, что существование есть реальный предикат, но шел еще дальше, предлагая совсем отказаться от данного понятия**.

* Интересно, что в своих ранних работах Фреге предвосхитил критическую позицию Рассела. «Фреге, — отмечает В. Г. Кузнецов, — вслед за Кантом полагает, что термин “существование” содержит очевидную информацию, то есть не имеет никакого конкретного содержания. Если его использовать в качестве сказуемого в предложении “люди существуют”, то оно не дает нам нового знания о подлежащем... Слово “существующее” используется, по Фреге, лишь для того, чтобы применить форму частного суждения. Оно изобретено, придумано для образования одной из множества языковых форм» (Методология развития научного знания. М., 1982. С. 135–137).

** «Нельзя не заметить, — указывает И. Н. Бродский, — искусственность расселовской экспликации высказываний вида “*a* существует”, при кото-

Критика Расселом понятия «существование» сыграла некоторую положительную роль в плане опровержения объективно-идеалистических теорий, которые гипостазировали идеальные сущности. Однако из этой критики Рассел на протяжении всей его философской эволюции часто сам делал прямые идеалистические выводы. Например, в своей поздней работе «Исследование значения и истинности» (1940), где он попытался представить иерархию языков, исходным и первичным языком для него оказывается так называемый «объектный» язык, язык вещей как конструкций из «чувственных данных». В связи с этим он писал: «“Существование” и “бытие”, как они фигурируют в традиционной метафизике, являются гипостазированными формами определенных значений “есть”. Поскольку “есть” не принадлежит первичному языку, то “существование” и “бытие”, если вообще что-то значат, должны быть лингвистическими понятиями, непосредственно не применимыми к объектам»*. Следуя расселовской логике рассуждения, можно лишить существования и объективную реальность.

Важным отличием имен от дескрипций Рассел считает то, что имена не имеют значения в предложении, если не существует того, что они обозначают. На дескрипции же подобное ограничение не распространяется. Этого-то, как он считал, не понял австрийский философ А. Мейнонг, который приписывал любой грамматически правильной обозначающей фразе свой объект. Мейнонг различал реальное (экзистенция) и идеальное (субсистенция) существование объектов. Если следовать такой точке зрения, сокрушался Рассел, то тогда даже фразы «нынешний король Франции» и «круглый квадрат» имеют свой объект. Логическая критика Расселом Мейнонга принесла английскому философу славу. Однако следует заметить, что для современной логики в таком понимании Мейнонга в общем-то нет ничего абсурдного: первая расселовская фраза обозначает «возможный несуществующий объект», а вторая — «невозможный несуществующий объект». К тому же Рассел не учел, что под «объектом» Мейнонг понимал нечто, существующее в переживании как данность. Такой объект действительно может быть как реальным, так и идеальным. Рассел вменял в вину Мейнонгу нарушение формально логического закона недопущения противоречия. Последние исследования в области паранепротиворечивой логики

рой собственное имя заменяется индивидуальной дескрипцией. Эта замена не отвечает обычному употреблению собственных имен, при котором об индивиде говорят как о чем-то едином и отличном от всего остального, не фиксируя специально определяющих его свойств» (Бродский И. Н. Оригинальные высказывания. Л., 1973. С. 67).

* Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. London, 1980. P. 65.

тем не менее показывают, что подход Мейнонга вполне может получить строгую логическую реализацию.

Рассел допускал, что концепция Фреге в основном позволяет избежать недостатков позиции Мейнонга. Однако Фреге сам встречается с затруднениями в тех случаях, когда имеются фразы со смыслом, но без денотата. Например, «нынешний король Англии лыс» имеет и смысл и денотат, но «нынешний король Франции лыс» не имеет своего денотата. Однако выгладит последняя фраза так, как будто ей присущ денотат. И здесь возможна путаница. Концепция Фреге, по Расселу, не показывает пути, каким можно было бы доказать ложность этой фразы.

Согласно расселовской теории дескрипций, при логическом анализе фразы «нынешний король Франции лыс» следует разделить ее на две части: 1) «есть уникальный индивид, управляющий сегодня Францией» и 2) «если кто-либо управляет Францией, то он лыс». В первой части говорится о наличии объекта. Эта часть ложна, ибо не подтверждается нашим «знанием-знакомством». Следовательно, ложно и все предложение (так как ложна одна из частей конъюнкции). Аналогично показывает Рассел ложность и другой денотирующей фразы — «нынешний король Франции не лыс». При этом не происходит нарушения закона исключенного третьего, ибо в утвердительном предложении фраза «нынешний король Франции» дана в так называемом «первичном вхождении», а в отрицательном — уже во «вторичном». Это расселовское различие сопоставимо с более поздним различием в логике экстенциональных и интенциональных контекстов.

В период знакомства с Витгенштейном Рассел (совместно с А. Н. Уайтхедом) заканчивал издание трехтомной «Principia Mathematica». Целью этой фундаментальной работы было доказательство того, что математика вытекает из логических предпосылок и использует только те понятия, которые определяются в логических терминах. Это, по словам Рассела, было антитезой кантовской теории математического знания. Книга двух авторов имела как собственно математическое, так и философское значение. Разработку логико-философских проблем осуществил Рассел. Наиболее ценным в работе он считал новую логическую теорию отношений. «Предрассудки» математиков против отношений, их приверженность к субъектно-предикатной форме выражения оказали, по Расселу, самое отрицательное воздействие на все развитие математического знания. Неадекватное понимание отношений может служить источником заблуждений и в философии. Но это, согласно Расселу, имеет свое объяснение. Дело в том, что очень сложно передать словами естественного языка корректную теорию отношений, так как язык обычно затемняет *типовое* различие между самими отношениями

и соотносящимися терминами. Большинство метафизических аргументов «за» или «против» реальности отношений было порождено этой особенностью языка. Помочь преодолеть такое затруднение, по замыслу Рассела, должна была «теория типов».

Популярно излагая содержание этой теории, Рассел впоследствии указывал, что, например, все слова как таковые принадлежат к одному и тому же логическому типу. Слово — это некоторый класс серий, состоящих из звуков и очертаний. В то же время значения слов принадлежат к разным типам. Атрибут, выражаемый прилагательным, принадлежит к иному типу по сравнению с объектом, которому он приписывается. Когда два слова обладают значениями, относящимися к разным типам, тогда отношения этих слов к тому, что они обозначают, тоже сводятся к разным типам. Рассел также разработал строгое логическое определение принадлежности к определенному «типу». Теория типов стала постоянным предметом его дискуссий с Витгенштейном.

Английский философ полагал, что без теории типов невозможно разрешение как теоретико-множественных, так и семантических парадоксов. Вот как он описывал парадокс первой группы, названный впоследствии его именем: «Применение аргумента Кантора (то есть доказательство того, что не существует наибольшего кардинального числа. — А. Г.) привело меня к рассмотрению классов, не являющихся членами самих себя; и они, как казалось, должны были составлять класс. Я задал себе вопрос: является ли этот класс членом самого себя или нет? Если он — член самого себя, то он должен обладать определяющим свойством класса, заключающимся в том, чтобы не быть членом самого себя. Если же он не член самого себя, то он не должен обладать определяющим свойством класса, и потому должен быть членом самого себя. Так каждая альтернатива ведет к своей противоположности, и возникает противоречие»^{*}.

Известным примером семантического парадокса является парадокс «Лжец». Существуют разные исторические формулировки этого парадокса. В самом простом виде он сводится к следующему. Лжец говорит: «Все, что я утверждаю, ложно». Спрашивается, говорит ли он правду или лжет? Если он говорит правду, то он лжет. Если он лжет, то говорит правду. Данное утверждение обозначает множество утверждений лжеца, и если его само включить в данное множество, то тогда и возникает парадокс. Следует, подчеркивал Рассел, различать те высказывания, которые обозначают тотальность высказываний, и те, которые этого не делают. Первые сами никогда не могут быть членами подобной тотальности.

^{*} *Russell B.* My Philosophical Development. London, 1975. P. 58.

Рассел предлагал называть высказываниями первого порядка те высказывания, которые не обозначают тотальности высказываний, а высказываниями второго порядка — те, которые обозначают тотальности первого порядка, и т. п. Поэтому, отмечал он, лжецу следовало бы сказать: «Я утверждаю ложное высказывание первого порядка, которое ложно». Но это высказывание уже само будет высказыванием второго порядка. Следовательно, лжец теперь не утверждает никакого высказывания первого порядка. То, что он говорит, попросту ложно, и аргумент, согласно которому это в то же время истинно, не действует. Лжец, таким образом, не мог говорить обо всех своих высказываниях, ибо это бессмысленно*. Фразы такого рода Рассел называл «самореферирующими» и полагал, что они не имеют значения. Любое утверждение, обозначающее другие утверждения, должно быть иного, более высокого типа, чем обозначаемые им утверждения.

Теория типов, хотя она и помогает разрешать некоторые парадоксы (которые в ней фактически не могут быть сформулированы), накладывает тем не менее слишком строгие и жесткие ограничения. Поэтому в дальнейшем многие математики и логики отказались от нее, а Витгенштейн в своем «Трактате» объявил теорию типов излишней. На практике мы высказываем одни и те же правильные положения об объектах разных уровней. Например, мы способны производить вычисления на многих уровнях, и при этом формулируемые нами количественные выражения сохраняют постоянное значение. Для того чтобы как-то скоррелировать объекты разных уровней, Рассел, как известно, вел специальную «аксиому сводимости». Но это решение было справедливо воспринято как слишком искусственное, напоминающее *ad hoc* гипотезу. Витгенштейн в 1913 г. в письме к Расселу даже назвал эту аксиому «жонглерским трюком».

Расселовская логика и теория познания тесно связаны с его философской онтологией логического атомизма. Исходными для него являются имена, непосредственно обозначающие фрагменты чувственного опыта, с которыми мы «знакомы» (так называемые чувственные данные), а также атомарные высказывания, состоящие из имен и логических связей. Эта концепция оказала заметное влияние на раннюю позицию Витгенштейна, хотя расселовский односторонний эмпиризм был ему достаточно чужд. В то же время и логический атомизм Рассела испытал сильное обратное воздействие со стороны Витгенштейна с самого начала их творческих контактов**.

* Ibid. P. 63.

** Рассел в связи с этим пишет: «Влияние Витгенштейна на меня составило две волны: первая из них была до Первой мировой войны; вторая непосредственно после войны, когда он послал мне рукопись своего “Трактата”. Его

В особенности это касается расселовской теории суждения. В ее раннем варианте предполагалось, что когда субъект судит, то имеется отношение не к единичному объекту, а к нескольким объектам, с которыми он «знаком» (например, «Отелло считает, что Дездемона любит Кассио»). Отношение суждения (или верования) связывает эти объекты в определенном порядке. Такая позиция, как думал Рассел, позволяла объяснить возможность ложных суждений, не прибегая к объективизации ложности (если Отелло ложно считает, что Дездемона любит Кассио, то просто не существует такого комплексного единства или факта, как «любовь Дездемоны к Кассио»).

Но эта теория еще не объясняла того, как субъект относится ко всему высказыванию в целом, как он его *понимает*. В 1913 г. Рассел начинает развивать теорию, предполагающую также знакомство субъекта с чистой логической формой высказывания, в которой имена заменены на переменные. Однако такие формы трактовались им в платонистском духе. Во взглядах Рассела этого периода эмпиризм причудливо сочетался с платонистским «реализмом», ибо он считал, что с помощью «знания-знакомства» мы непосредственно постигаем универсалии. Данная теория суждения, как видно из писем английского философа, подверглась Витгенштейном сильной критике при их личных беседах. Эта критика во многом заставила Рассела отказаться от публикации подробного изложения своей теории. Для Витгенштейна же это был первый этап выработки его собственной образной теории предложения.

Все проблемы Рассел пытался решать с помощью логического анализа языка, который, как уже говорилось, он предлагал отличать от грамматического анализа. А «логическую форму», по его мнению, нельзя путать с чисто грамматической формой языковых выражений. Рассел отказывался считать философию конструктивной и созидательной наукой. Основной задачей философии для него выступает критика и прояснение тех понятий, которые обычно считаются фундаментальными, но якобы принимаются философами и учеными некритически. Для Рассела это такие понятия, как «сознание», «опыт», «каузальность», «воля», «время». Все они, с его точки зрения, неточны и приблизительны и не должны играть главную роль в науках. Нужно стремиться вывести из многообразия явлений логические структуры, у которых уже не будет подобного недостатка.

Логический атомизм лежит в основе расселовского крайнего плюрализма. Он отвергал любую монистическую онтологию (как материалистическую, так и объективно-идеалистическую), а свой

поздние доктрины, как они проявились в “Философских исследованиях”, совсем не повлияли на меня» (*Russell B. My Philosophical Development*. London, 1975. P. 83).

плюрализм связывал с так называемой логикой внешних отношений, которую он противопоставлял логике внутренних отношений английского неогегельянства. Это направление отрицало плюралистичность реальности и утверждало, что любые отношения возможны лишь при наличии посредника, каковым для него оказывался Абсолют. Противники Рассела учили, что все термины, а также вещи, процессы и явления *внутренне* взаимосвязаны и влияют (в том числе и каузально) друг на друга, становясь от этого сложными. Для них не было ничего независимого, простого, атомарного. Этому также соответствовал неогегельянский вариант когерентной теории истины.

Согласно расселовской логике внешних отношений, само отношение между любыми терминами (или вещами, явлениями, событиями) всегда функционально. Никакой посредник здесь не нужен, а соотносящиеся стороны остаются абсолютно простыми. В своей теории Рассел недооценил внутренние логические связи (этот недостаток впоследствии пытался исправить Витгенштейн). К тому же, исходя из юмистских установок, он ошибочно отвергал объективную каузальную связь в мире как форму внутренней зависимости.

Рассел доказывал, что логика внутренних отношений равносильна утверждению онтологического монизма и отрицанию самих отношений. Она также неразрывно связана с положением традиционной логики, согласно которому каждое высказывание обязательно состоит из субъекта и предиката. Дело в том, что для неогегельянцев высказывание, утверждающее некоторое отношение, всегда должно быть сводимо к субъектно-предикатному высказыванию о целом (то есть об Абсолюте).

Конечно, Рассел провел достаточно эффективную критику учения абсолютного идеализма, которому он противопоставил многие разумные идеи британского эмпиризма. Однако следует учитывать, что он опирался прежде всего на субъективно-идеалистический эмпиризм и феноменализм Юма. В то же время, критикуя неогегельянцев, Рассел отвергал и многие положения диалектики вообще. Для него, например, всегда было абсурдно и невозможно понятие «тождества», включающего различие.

Последователи Рассела и Мура — британские и американские неореалисты — использовали логику внешних отношений для объяснения познавательного процесса. Они утверждали, что между субъектом и объектом имеет место внешняя, чисто функциональная связь. С одной стороны, а именно в плане познания, объект будто бы непосредственно входит в сознание, «имманентен» ему, а с другой — он «трансцендентен», независим от субъекта в своем существовании. Сходную точку зрения стал развивать и сам Рассел в 1920-е гг. («теория нейтрального монизма»).